

60-летие КАФЕДРЫ ЭТНОГРАФИИ (ЭТНОЛОГИИ) ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Подготовка профессиональных этнологов – неотъемлемая часть этнологической науки и необходимая составляющая историографического процесса в целом. Наука – это в первую очередь поиск, владеющие профессиональными знаниями, методологией исследовательского лояки и движимые творческим импульсом. Все эти качества воспитываются в процессе обучения в высшей школе. Поэтому в полной мере оценить итоги развития и перспективы отечественной этнологии возможно лишь с учетом 60-летнего опыта деятельности кафедры этнологии МГУ.

Традиция преподавания этнографии в Московском университете неразрывно связана с именем и идеями Д.Н. Анучина. Видный ученый рассматривал этнологию как составную часть антропологии – триединой науки, объединяющей усилия физической (соматической) антропологии, археологии и этнологии. Получивший первоклассное образование в Сорбонне Анучин готовился занять кафедру антропологии в Московском университете. Но некоторые положения нового университетского устава 1883 г. сделали невозможным ее открытие. Впрочем, в 1884 г. под руководством Анучина на естественном отделении физико-математического факультета была открыта кафедра географии и этнографии. (Здесь стоит отметить, что вплоть до 20-х годов XX в. этнография числилась по разряду естественных дисциплин, а в 80-е годы прошлого века лекционный курс этнографии даже входил в программу подготовки студентов-естественников.)

В Московском и других российских университетах не имелось отдельных кафедр этнографии, не были налажены систематическое этнологическое образование и подготовка профессиональных этнологов. Подобное положение – следствие довольно низкого социального статуса этнологии: государственный интерес к разработке прикладных аспектов этнографии, за исключением некоторого ее использования в национальной политике Российской империи, практически отсутствовал. В целом в России на развитие науки (и не только этнографии) явно не доставало финансовых средств.

Вызванные революцией 1917 г. изменения открыли перед отечественной этнологией качественно новую перспективу развития. Ее социальный статус значительно вырос, что было связано с необходимостью научной разработки проблем национальной политики и культурного строительства. После 1917 г. подготовка этнографов в Московском университете была налажена даже с некоторым размахом.

В первые послереволюционные годы в постановке этнологического образования в стенах Московского университета наметились две тенденции. Первая – развитие линии Д.Н. Анучина: в 1919 г. ему спустя почти три десятка лет после рождения этой идеи удалось наконец основать на естественном отделении физико-математического факультета I-го МГУ кафедру антропологии, где после вызванного революцией перерыва было возобновлено чтение лекций по этнографии. Лекционный курс включал изучение проблем общей этнологии и этнографию регионов. В программу подготовки студентов кафедры антропологии входили также антропология, общее народоведение, палеоантропология, описательное народоведение¹.

После смерти Анучина в 1923 г. его место занял В.В. Бунак, но магистральное направление деятельности кафедры оставалось неизменным: этнология рассматривалась как составная часть антропологии и более широко – естественной истории. В числе первых выпускников кафедры антропологии в 1920-е годы оказались многие впоследствии видные ученые: М.Г. Левин, С.А. Токарев, С.П. Толстов, Н.Н. Чебоксаров и др.

Существенно иным, чем на кафедре антропологии, был подход к науке о народах на этнолингвистическом отделении факультета общественных наук (ФОН) 1-го МГУ, образованном в 1922 г. Он отражал стремление включить этнологию в состав гуманитарных дисциплин, тенденцию к «историзации» этнологии. В основе деятельности кафедры этнологии ФОН, открывшейся в 1923 г., лежали представления некоторых московских этнологов, в первую очередь проф. П.Ф. Преображенского, об этнологии как метадисциплине, или, говоря иначе, о реализации в ее рамках широкого междисциплинарного подхода к исследованию человеческой культуры, подхода, объединяющего ряд гуманитарных дисциплин, включая историю. Однако возможности отдельной кафедры и даже специализированного отделения в составе ФОН выглядели явно недостаточными для того, чтобы в полной мере осуществить столь масштабный замысел. Поэтому в 1925 г. был учрежден этнологический факультет 1-го МГУ в составе четырех отделов (отделений): истории материальной культуры (историко-археологического), этнографического, литературного, изобразительных искусств.

1925 г. открыл период бурного расцвета этнологического образования в Московском университете. Факультеты общественных наук, учрежденные в начале 1920-х годов в Московском и Петроградском университетах взамен традиционных для высшей школы историко-филологических и юридических факультетов, не оправдали возлагавшихся на них надежд – они не стали «рассадниками» марксистской учености. Очень скоро выяснилось, что факультеты общественных наук готовят не высококвалифицированных ученых-марксистов, а догматиков-начетчиков, не владеющих даже основами избранной профессии. Поэтому естественным выглядело возвращение к проверенной временем классической системе организации высшего образования, начальной ступенью которого было овладение суммой конкретных знаний в рамках общих и специальных дисциплин.

История созданного в ходе этой реорганизации этнологического факультета 1-го МГУ остается одной из наиболее ярких страниц этнологического образования в университетских стенах. Задачей нового факультета считалась подготовка высококвалифицированных специалистов в области истории, археологии, этнографии, литературоведения и искусствознания. Цель же этнографического отделения этнофака, по мысли члена президиума отделения П.Ф. Преображенского, должна была состоять в формировании профессиональных этнографов и этнологов, исследователей культуры народов СССР. Насколько можно понять, замысел Преображенского и его единомышленников заключался в формировании уникальных специалистов – ученых-теоретиков, сочетающих узкую углубленную специализацию с широким гуманитарным кругозором. Однако партийно-государственные структуры отводили этнографическому отделению более скромное место, сведя его назначение преимущественно к подготовке практических работников: музейных сотрудников, редакторов издательств, архивистов, а также «культурных и политпросветработников для национальных меньшинств»².

Тем не менее несомненным достижением этнологического факультета можно считать ориентацию на историзм и сочетание специальных этнографических дисциплин с историческими предметами, что впоследствии, в послевоенные годы, стало одним из основных принципов организации учебного процесса на кафедре этнографии МГУ. Фактом первостепенной важности явился выход в свет первого в советское время учебника «Этнология», автором которого был П.Ф. Преображенский. Эта книга в значительной мере отразила концептуальный плюрализм 1920-х годов, когда методологические установки преподавателей и научных работников включали широкий спектр теорий и концепций, в том числе некоторые марксистские тезисы. Хотя соединение различных (порой прямо противоположных) теоретико-методологических положений в одном учебнике не могло не придать ему эклектичный характер, он, несомненно, сыграл положительную для своего времени роль в подготовке молодых специалистов, а в некоторых отношениях не утратил своего значения и до наших дней.

Так как этнофак оказался первым опытом постановки систематического образования в области этнографии, то далеко не все в равной степени удалось его

организаторам. Результаты учебной деятельности этнографического отделения оказались неудачными: из 60 чел., принятых в 1925 г. на первый курс, полностью выполнили программу трех лет обучения и перешли в 1928 г. на четвертый курс только 18 (менее 30%) чел.³ Столь низкие показатели объяснялись рядом причин. Лежавшие в основе научно-педагогической деятельности факультета междисциплинарный подход, многопредметность, акцент на изучение сложных теоретических дисциплин могли быть реализованы лишь при достаточной кадровой обеспеченности учебного процесса, наличии соответствующих программ, методических пособий и учебников. Однако ни одно из этих условий не удалось обеспечить. Кроме того, у слушателей отсутствовал достаточный общеобразовательный уровень, который позволил бы воспринять идеи и дисциплины, предложенные на факультете.

На рубеже 1920-х–1930-х годов вся система университетского образования претерпела коренную реорганизацию, причем для этнологического факультета ее результаты оказались однозначно негативными: в 1931 г. факультет расформировали; в середине 1930-х годов был арестован и погиб в заключении П.Ф. Преображенский. Ликвидация факультета – следствие не только явных промахов в организации учебного процесса, неподготовленности студенчества и его чрезмерной политической активности, но прежде всего причин иного рода. Этнологический факультет и его основное этнографическое отделение справедливо критиковались за отсутствие четких целевых профессиональных установок. По сути дела выпускники факультета не имели реальной специальности и оказались не востребованы⁴.

Помимо этого большие нарекания со стороны партийно-государственных структур вызывала «недостаточная марксистская ориентация» факультета. В данном случае нельзя не отметить, что оригинальные, новаторские идеи, использованные при подготовке профессиональных этнологов в 1-м МГУ, при определенном стечении обстоятельств могли бы дать хороший результат.

Взамен этнологического образовали два новых факультета: историко-филологический и материальной культуры; позднее в результате их слияния возник Институт общественных наук. Направленность происшедших структурно-организационных перемен была очевидной: уже во второй раз за послереволюционный период предпринималась попытка отказаться от изучения конкретно-исторического знания в пользу абстрактного социологизирования. Но если в начале 1920-х годов изучение общественных форм имело некоторый положительный эффект, так как стимулировало интерес к социологии, теоретическим и методологическим сюжетам, то явно непродуктивным выглядело начавшееся с рубежа 1920-х–1930-х годов доминирование во всех без исключения гуманитарных дисциплинах теории общественно-экономических формаций в ее жестко догматической версии.

Реанимация этнологии и систематического исторического образования – после почти полного «вымирания» этнографии и этнографов в столице (А.М. Золотарев⁵) – началась лишь в середине 1930-х годов. После выхода партийно-правительственного постановления 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» был восстановлен исторический факультет. В том же году при Антропологическом институте МГУ организовали секцию этнографии и археологии под руководством С.С. Кривцова, в которой участвовали Г.Ф. Дебец, А.М. Золотарев, М.О. Косвен, М.С. Плисецкий, Я.Я. Рогинский, С.А. Токарев и др. В 1934/35 учебном году кафедра антропологии МГУ ввела для студентов-антропологов третьего года обучения лекционный курс по общей этнографии, который читал доцент А.М. Золотарев⁶.

Однако понадобилось еще пять лет для возобновления систематического этнографического образования в Московском университете. Инициатива создания кафедры этнографии в составе исторического факультета, что произошло в 1939 г., принадлежала уже приобретенному известность историку-востоковеду, археологу и этнографу С.П. Толстову. Научная и педагогическая деятельность кафедры была направлена в историко-этнографическое русло, т.е. в известной мере продолжала линию, намеченную в 1-м МГУ. Непосредственными носителями традиций 1920-х годов были

профессора и преподаватели кафедры, чье профессиональное становление пришлось как раз на первые послереволюционные годы, – в первую очередь С.А. Токарев и С.П. Толстов. В их лекциях слышались отголоски теоретического плюрализма первой трети столетия. Так, в курсе лекций по общей этнографии С.П. Толстов вплоть до середины 1940-х годов уделял значительное внимание изложению теоретических положений культурно-исторической школы, причем отнюдь не только в критическом ключе. Одновременно в собственной исследовательской работе он и его коллеги С.А. Токарев и М.О. Косвен придерживались отчасти эволюционистских взглядов, преобладавших в российской дореволюционной этнографии.

Вместе с тем в работе кафедры долго сказывались негативные последствия «коренного перелома» в науке; отечественная этнология вышла из полосы дискуссий конца 1920-х – первой половины 1930-х годов в значительной степени обедненной: этнология была объявлена подлежащей искоренению «буржуазной лженаукой», предмет же этнографии низводился до изучения пережитков первобытно-общинного строя методом этнографического наблюдения. В 1939 г. В.В. Струве в программной статье «Советская этнография и ее перспективы» писал: «Она (этнография. – *Авт.*) в первую очередь изучает те общества, которые не переросли в нацию, пребывая еще по существу на стадии первобытно-общинного строя или раннеклассового общества»⁷.

Эта установка научно-исследовательской и практической деятельности кафедры этнографии соблюдалась лишь отчасти (путем изучения традиционной этнографии, прошлого народов мира); в то же время бурные современные этнические и этнокультурные процессы также привлекали пристальное внимание исследователей.

Уже в предвоенные годы сформировался широкий круг исследовательских проблем (главным образом по истории первобытного общества), которые разрабатывались преподавателями и сотрудниками кафедры. Принципы периодизации истории первобытного общества, общие проблемы этнографии, этнография и археология Средней Азии составляли круг научных интересов заведующего кафедрой проф. С.П. Толстова. Широкий научный кругозор, лекторский талант и сама сильная личность Толстова оказали большое влияние на становление и развитие этнографического образования в Московском университете. С.А. Токарев, принадлежавший к тому же поколению и той же научной традиции, что и С.П. Толстов, свои публикации предвоенного и военного периода посвятил изучению хозяйства и общественного строя ряда народов Сибири (якутов, горных алтайцев и др.). Проф. А.М. Золотарев, основываясь на обширном фактическом материале по народам Америки, Австралии, Океании, Южной и Юго-Восточной Азии, Европы и Сибири, осуществил фундаментальное исследование дуально-эзогамной организации в ранней истории человечества. М.О. Косвен популяризировал работы Ф. Энгельса по истории первобытного общества и труды Л.Г. Моргана, а также исследовал народы Кавказа.

В 1939 г. началось формирование учебных планов и программ кафедры. Работа над их совершенствованием практически не прекращалась ни на один год. Отчетливо прослеживались три основных направления учебной подготовки: общетеоретическая, история первобытного общества и региональная этнография, в том числе современная.

Хотя масштабы деятельности кафедры в годы Великой Отечественной войны и претерпели естественное сокращение и изменение, ее кадровый костяк продолжал исследовательскую и педагогическую работу как в Москве, так и в эвакуации.

В послевоенные годы был осуществлен пересмотр концепции этнографического образования, обновились и принципы специализации. Поводом к реформированию организации учебной подготовки этнографов послужил переход исторического факультета в 1945/46 учебном году от четырехлетнего к пятилетнему сроку обучения. Хотя деятельность кафедры с самого момента ее возникновения в 1939 г. тесно увязывалась с учебным процессом и научной ориентацией исторического факультета, на рубеже 1940-х–1950-х годов общесторическое направление образования стало определяющим.

Выпускники кафедры получали дипломы историков, специализация студентов-

этнографов начиналась с третьего курса в соответствии с общим для факультета порядком специализации. Диплом историка облегчал трудоустройство, так как существовали неизбежные трудности с поиском работы по узкой специальности, а начинать специализацию ранее третьего курса едва ли было реально по причине большой учебной нагрузки, лежавшей на студентах.

Общеисторическая подготовка этнографов тогда, как и сегодня, включала лекционные курсы по отечественной и всеобщей истории (от древнего мира до новейшей), а также разнообразные семинары. Чтобы расширить возможности этнографического образования увлеченным этнографией студентам разрешили факультативную специализацию по кафедре начиная со второго курса; предусматривалась также поездка в этнографическую экспедицию по завершении второго курса. Этот вариант первоначальной специализации оказался удачным: он позволял кафедре при большом наплыве желающих специализироваться присмотреться к студентам и сделать оптимальный выбор.

Учебный план кафедры этнографии, сложившийся в первые послевоенные годы, включал следующие основные направления подготовки: общетеоретическое, по этнографии народов СССР и зарубежной этнографии. Глубокое проникновение в общие теоретические проблемы науки, а также фундаментальное знание истории первобытного общества достигались благодаря постановке ряда лекционных курсов и семинаров. Стержневым был обширный лекционный курс по истории первобытного общества, читавшийся в течение четырех семестров и включавший лекции по истории хозяйства первобытного общества (Н.Н. Чебоксаров), истории родовой организации (М.О. Косвен), первобытной религии (С.А. Токарев, Б.И. Шаревская); студенты также слушали лекции и занимались на семинарских занятиях по материальной культуре первобытного общества (Е.М. Шиллинг). С основными течениями мировой этнологической науки знакомил лекционный курс С.П. Толстова по общей этнографии.

Значительные затруднения, особенно при изучении вопросов теории и методологии науки, создавало фактическое отсутствие учебной и методической литературы. Учебник «Этнология» П.Ф. Преображенского в силу идеологических мотивов студентам не рекомендовался, да и был попросту недоступен. Курс лекций по этнографии В.Н. Харузиной, переизданный еще до Великой Отечественной войны, в теоретическом плане целиком основывался на устаревшей эволюционистской концепции. Практически единственное, чем располагали студенты, были машинописные экземпляры лекций С.П. Толстова.

Базовым в подготовке студентов кафедры по региональной этнографии являлся курс лекций по этнографии народов СССР, который читал С.А. Токарев. Рассчитанный на два семестра, он не знал себе равных по количеству излагаемого и проанализированного эмпирического материала. Лучше усваивать материал, а также некоторые теоретико-методологические положения науки помогали семинарские занятия по этнографии народов СССР; они же способствовали выработке у студентов навыков научной работы.

Учебная подготовка слушателей кафедры этнографии существенно обогащалась и расширялась благодаря включению в учебный план цикла лекций по так называемым «странам» – этнографии народов основных мировых регионов. В первые послевоенные годы были поставлены четыре семестровых лекционных курса: по этнографии Азии (С.П. Толстов), Австралии и Океании (Н.Н. Чебоксаров), народов Кавказа (Е.М. Шиллинг). Со временем охват лекционных курсов по «странам» расширился, включив лекции по народам Америки и Африки. Причем лекции по этой тематике читались не только сотрудниками кафедры (С.А. Токаревым и Б.И. Шаревской), но и специально приглашенными из Академии наук специалистами – Ю.П. Аверкиевой, Д.А. Ольдерогге и др. Лекции по «странам» студенты слушали на четвертом курсе – две «страны» на выбор.

Неповторимый, уникальный облик кафедры первых послевоенных лет сформировался во многом благодаря спецкурсам – они увлекали студентов, расширяли

их кругозор. В специальных курсах в наибольшей степени раскрывались индивидуальные черты личности и творчества ученых – преподавателей кафедры. Специальный курс по этнографии Средней Азии читал С.П. Толстов, по этнографии славянских народов, а также по тюркским и монгольским народам Сибири – С.А. Токарев, по русскому фольклору – В.И. Чичеров, по истории материальной культуры славянских народов – Н.Н. Чебоксаров, по жилищу народов Кавказа – Е.М. Шиллинг, по народам Западной Европы – Б.И. Шаревская.

С.П. Толстов – основатель кафедры этнографии – возглавлял ее до 1951 г. Он сформулировал ключевой принцип подготовки студентов на кафедре – комплексный подход, который предусматривал наряду с изучением этнографии народов СССР, зарубежных стран и постижением основных проблем первобытного общества обязательную полевую этнографическую практику, а также (что особенно существенно!) прививал студентам вкус к исследовательскому поиску. Правда, характеристика научных взглядов Толстова будет неполной, если не сказать, что во многом они основывались на положениях «яфетической теории», или «нового учения о языке» академика Н.С. Марра. Впрочем, после известной дискуссии Толстов нашел в себе силы сформулировать другие идеи и поддержать теоретические усилия своих коллег – М.Г. Левина, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова и др.

Не лишне отметить, что Толстову даже в полные тягот и лишений трудные послевоенные годы удалось добиться удовлетворительного финансирования экспедиций и материального обеспечения участвовавших в них студентов и преподавателей. В послевоенный период регулярно работали несколько экспедиций: Хорезмская археолого-этнографическая под руководством С.П. Толстова, Северокавказская (в Дагестане и Северном Азербайджане), которой руководил Е.М. Шиллинг, Прибалтийская во главе с Н.Н. Чебоксаровым, Подмосковная под руководством Б.И. Шаревской и др. (первые три указанные экспедиции формировались Институтом этнографии АН СССР при участии кафедры).

Сильный творческий импульс студентам давала самостоятельная научно-исследовательская работа, которая отнюдь не сводилась к подготовке курсовых (на четвертом курсе) и дипломных сочинений. Студенчество принимало участие в обработке полевых этнографических данных, составлении экспедиционных отчетов, а также в кафедральных экспедиционных конференциях, где подводились итоги летней полевой работы.

Таким образом, в период с 1939 по 1951 г. сложилась в основном учебно-научная концепция этнографического образования в Московском университете. Ее отличали тесная, неразрывная связь с общеисторическим образованием и комплексный подход к учебной подготовке.

После С.П. Толстова к руководству кафедрой пришел Н.Н. Чебоксаров, возглавлявший ее с 1951 по 1956 г. Новый заведующий разделял и развивал идеи, заложенные в организацию учебного процесса ранее. Но время выдвигало перед научно-педагогическим коллективом новые задачи. Кроме того, в первой половине 1950-х годов кафедра лишилась нескольких опытных преподавателей: сосредоточился на работе в Институте этнографии М.О. Косвен, перешла на работу в Институт Африки Б.И. Шаревская, умер Е.М. Шиллинг. На повестку дня встал вопрос о пополнении кадрового состава кафедры.

Поскольку «старшее» (по календарному возрасту это, как правило, были совсем еще нестарые люди) поколение преподавателей кафедры совмещало преподавание с работой в академическом Институте этнографии, то источник вливания свежих сил казался очевидным – аспирантура самой кафедры: на работу были приняты недавние ее аспиранты К.И. Козлова, М.В. Витов, Г.Г. Громов, Г.Е. Марков. Кадровые изменения вызвали вполне объяснимые сложности, связанные с необходимостью частично пересмотреть учебный план кафедры; наряду с этим стало возможным расширить тематику лекционных и специальных курсов, увеличить число экспедиций.

В годы, когда кафедрой руководил С.А. Токарев (1956–1973), особенно крупные

успехи были достигнуты в подготовке учебной литературы и в научно-издательской деятельности. Первым учебным пособием, подготовленным на кафедре в послевоенные годы, стал фундаментальный труд Токарева «Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры» (1958), до сегодняшнего дня – непревзойденный, с точки зрения количества собранного и проанализированного эмпирического материала. Особое значение для учебной подготовки студентов-этнографов имел комплекс работ Токарева по истории этнографической науки: «История русской этнографии (дооктябрьский период)» (1966), «Истоки этнографической науки (до середины XIX в.)» (1978), «История зарубежной этнографии» (1978). Увидел свет целый ряд учебных пособий: *Громов Г.Г., Козлова К.И., Лашук Л.П.* Очерки по этнографии народов СССР (европейская часть). М., 1964; *Марков Г.Е.* Народы Индонезии. М., 1963; *Козлова К.И.* Этнография народов Поволжья. М., 1964; *её же.* История первобытного общества и основы этнографии. М., 1968; *Громов Г.Г.* Методика этнографических экспедиций. М., 1966 и др. Благодаря им стало возможным создание первого в послевоенное время учебника по общей этнографии «Основы этнографии (учебное пособие)» (1968) под редакцией С.А. Токарева.

В 1960-е годы началась систематическая работа по составлению учебных программ к общим лекционным и специальным курсам, которая завершилась в середине 1980-х годов.

Формирование корпуса учебной и учебно-методической литературы поставило подготовку специалистов-этнографов в Московском университете на качественно более высокий уровень. Естественно, что лекционные и специальные курсы не могли вобрать весь эмпирический и аналитический материал и давали слушателям лишь общую ориентацию, тогда как учебные пособия содержали систематические сведения по этнографии народов СССР и зарубежных стран, а также по проблемам общей этнографии.

Учебная деятельность кафедры в 1950–1970-е годы значительно интенсифицировалась: возросло число обучавшихся на ней студентов и аспирантов, расширилась подготовка кадров для республик, краев и областей СССР через институт аспирантуры; на кафедре прошли специализацию студенты из Албании, Восточной Германии, Вьетнама, Испании, Китая, Монголии, Перу, Румынии, Чехословакии, Эквадора, Югославии и других стран.

Изменения неизбежно затронули и кадровый состав кафедры: расширился ее штатный состав, в педагогический коллектив влились Л.Б. Заседателева, Л.П. Лашук, С.П. Поляков, Г.А. Шпажников, но были и потери: в конце 1950-х годов кафедру оставил один из лучших преподавателей – М.В. Витов, перешедший на работу в Институт истории АН СССР.

Вместе с тем в 1960–1970-е годы серьезно ослабли связи кафедры с Институтом этнографии. Если прежде они обеспечивались тем, что старшее поколение преподавателей кафедры традиционно совмещало педагогическую деятельность с исследовательской работой в академическом институте, то по мере омоложения педагогического коллектива кафедры, которое шло через кафедральную аспирантуру, контакты с институтом стали сокращаться и осуществлялись главным образом в форме участия сотрудников кафедры в некоторых научных программах Института этнографии и проводившихся в его стенах годичных отчетных экспедиционных сессиях.

В годы руководства кафедрой проф. С.А. Токаревым широкий размах приобрела ее экспедиционная деятельность, распространившаяся на значительную часть Советского Союза. Активизацию и расширение экспедиционной работы можно связать, во-первых, с удовлетворительным материальным обеспечением, во-вторых, с серьезным исследовательским потенциалом, накопленным кафедрой этнографии. Систематически работали экспедиции Л.П. Лашука в Сибири, К.И. Козловой в Поволжье, Г.Е. Маркова и С.П. Полякова в Средней Азии, М.В. Витова и Г.Г. Громова на Русском Севере, Л.Б. Заседателевой на Северном Кавказе и др.

В 1970–1980-е годы (с 1973 по 1986 г. кафедрой руководил проф. Г.Е. Марков)

продолжалась работа по дальнейшему совершенствованию подготовки специалистов-этнографов в Московском университете. Этнографическое образование опиралось на принципы, заложенные С.П. Толстовым, Н.Н. Чебоксаровым, С.А. Токаревым. Вместе с тем в процесс преподавания были внедрены некоторые новые идеи, отчетливо оформились первичный цикл обучения, дававший подготовку по общим теоретическим вопросам этнографии и первобытного общества, и вторичный, рассчитанный на углубленное изучение региональной этнографии.

Несомненным достижением следует считать увеличение числа научных направлений, которые составляли содержание учебного процесса. Были подготовлены новые учебные курсы: по исторической социологии, общим проблемам этнографии. Научно-педагогический коллектив кафедры в сотрудничестве с Институтом этнографии оказался в состоянии обеспечить специализацию студентов практически по всем основным проблемам теоретической и эмпирической этнографии и истории первобытного общества, в том числе по проблемам этноса и теории этнографии, по историографии, по истории первобытного общества, хозяйства и материальной культуры, истории родовой организации, по истории религии, отчасти музееведению, по проблемам этнографии народов СССР и зарубежных стран. Подобная насыщенность учебного процесса стала возможной не в последнюю очередь благодаря очередному кадровому пополнению; на кафедру пришли новые сотрудники: Ю.В. Бромлей (по совместительству), Ю.И. Зверева, В.В. Карлов, А.А. Никишенков.

Приток свежих сил позволил оживить экспедиционную деятельность, несколько сократившуюся в начале 1970-х годов. Успешно работали экспедиции Г.Е. Маркова (Средняя Азия, Горный Алтай, Восточный Казахстан, Эстония), В.В. Карлова (Сибирь), С.П. Полякова (Средняя Азия), А.А. Никишенкова (Бурятия), Л.Б. Заседательской и Ю.М. Зверевой (Северный Кавказ).

Продолжалась работа по созданию новой учебно-методической литературы. В 1982 г. увидел свет новый учебник «Этнография» под редакцией Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. Его авторский коллектив включал как преподавателей и сотрудников кафедры, так и их коллег по Институту этнографии. Это был важный положительный симптом, свидетельствующий о налаживании устойчивой координации между кафедрой и институтом.

По-прежнему весьма плодотворно велась научно-издательская работа: в 1970–1980-е годы сотрудники кафедры выпустили целый ряд учебных пособий и монографий⁸.

Последние 10–12 лет принесли серьезные изменения в научную ориентацию и организацию учебного процесса на кафедре (с 1986 г. кафедрой заведует проф. В.В. Пименов). Обновление направлений и методов преподавания стало естественным следствием развития самой науки. Новейшие ее тенденции необходимо было как составную часть включить в подготовку профессиональных этнографов. Отражением этой потребности можно считать постановку ряда новых учебных курсов (по этнодемографии, социологии и др.). Вместе с тем и внешние, привходящие обстоятельства – в первую очередь кардинальное изменение общественно-политического контекста – не могли не сказаться на деятельности кафедры.

Одно из следствий начавшейся в СССР в середине 1980-х годов перестройки – драматический рост напряженности в сфере межнациональных отношений. Это в свою очередь стимулировало интерес студенчества к этносоциологическим и этнополитическим темам, что отразилось на тематике курсовых и дипломных работ, а также на характере экспедиционной деятельности. При кафедре была создана этносоциологическая лаборатория. Ее силами при деятельном участии других сотрудников кафедры в подмосковном совхозе Шапово организовали стационарную экспедицию. Проблемы межнациональных отношений заняли значительное место в тематике ряда экспедиций: Бурятской (руководитель А.А. Никишенков), Азербайджанской (В.В. Карлов), Горно-Алтайской, Восточно-Казахстанской, Ногайской (все три возглавлял Г.Е. Марков), Шаповской (В.В. Пименов и В.Р. Филиппов).

Поворот к новой научно-исследовательской тематике не затронул принципиальных основ деятельности кафедры: базовая, фундаментальная часть подготовки профессиональных этнологов сохранилась в полном объеме. Более того, удалось даже расширить этнографический цикл в общеисторической подготовке. Многие годы для студентов-историков первого курса во втором семестре читался лекционный курс, совмещавший основы этнографии и истории первобытного общества. Это не позволяло с достаточной полнотой донести до слушателей предмет и основное содержание данных научных дисциплин. Положение улучшилось, когда на преподавание основ этнографии и истории первобытного общества отвели по отдельному семестру. Началась подготовка нового учебника «Этнология», который вышел в 1994 г.

С середины 1980-х годов творческие усилия коллектива кафедры направлялись на оптимизацию учебного плана и создание такого сочетания учебных дисциплин, которое обеспечило бы подготовку специалистов широкого профиля, способных быстро ориентироваться в обширном спектре проблем. Этого удалось достигнуть путем преподавания студентам лекционных курсов «Народы мира» (120 час. в течение трех семестров) и «Народы России и сопредельных стран» (60 час. в течение двух семестров), а также «Теоретическая этнология», «Этносоциология», «Этнодемография» и др.

Распад СССР, острые этнические конфликты и войны в постсоветском пространстве – все это стало серьезным испытанием для отечественной науки и высшей школы. Резкое сокращение финансирования науки привело к возникновению серьезных материальных затруднений, что применительно к кафедре этнографии нашло свое выражение в значительном уменьшении объема экспедиционных исследований, катастрофическому сужению масштабов научно-издательской работы, вынужденному отказу от сотрудничества с видными специалистами-этнологами из профильного академического института (ввиду невозможности предоставить им даже мизерную почасовую оплату), фактическом обнищании преподавателей и студентов. Совмещение учебы с работой (а работать теперь вынуждены студенты и дневной формы обучения) ведет к хронической перегрузке молодых людей и в конечном счете отрицательно сказывается на результатах учебной деятельности кафедры.

Вместе с тем проблемы, которые ставят перед наукой политика и современная жизнь, актуализировали привлечение этнологов к решению многих важных прикладных задач. Таким образом, совершенствование и расширение этнологического образования как в Московском университете, так и в других вузах страны – насущная необходимость. Кафедра этнологии МГУ сохраняет значение важного научного и ведущего учебного центра, занимая, бесспорно, лидирующие позиции в подготовке специалистов-этнологов не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Педагогический коллектив кафедры сохраняет и приумножает интеллектуальный потенциал, накопленный за 60 лет ее существования. Идет активная работа по совершенствованию учебного плана, вызванная структурными изменениями – в рамках кафедры создан Центр прикладной этнологии во главе с проф. Л.Б. Засадателевой. Учреждение этого центра позволило открыть перед студентами возможность специализации по прикладной этнологии и этнополитологии. Готовится переиздание учебника по этнологии для вузов, впервые увидевшего свет в 1994 г. Преподаватели кафедры также работают над созданием учебника «Народоведение» для учащихся 7–8 классов средней общеобразовательной школы.

Кафедра имеет возможность организации по крайней мере двух экспедиционных поездок ежегодно, тем самым позволяя студентам, специализирующимся по кафедре, получить навыки полевой работы.

Кафедра этнографии не только играет заметную роль в подготовке кадров этнографов, но и с момента своего основания она представляет собой важный научный центр отечественной этнологии. При организации кафедры ее первый заведующий С.П. Толстов поставил две первоочередные задачи, сохраняющие значение и в наши дни: во-первых, создание учебного плана и ведение преподавания, обеспечивающие

фундаментальную теоретическую подготовку и владение эмпирическим материалом по всем народам мира, во-вторых, что следует особо подчеркнуть, обязательное сочетание широкой профессиональной подготовки студентов и аспирантов с систематической и целенаправленной научно-исследовательской работой всего профессорско-преподавательского состава кафедры с привлечением обучающихся.

Примером в этом отношении может служить жизнь и деятельность С.П. Толстова в областях истории, этнологии и археологии. Ему принадлежали обобщающие исследования хорезмийской цивилизации, вылившиеся в создание целой школы, насчитывавшей немалое число учеников и сторонников, важные для своего времени труды по истории Востока, социальной истории кочевничества, работы по этнографии русского народа и многое другое.

Среди других талантливых исследователей на кафедре этнографии в послевоенное время следует прежде всего назвать Н.Н. Чебоксарова, антрополога и этнолога, создавшего вместе с М.Г. Левиным теорию «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей», обобщающие труды по культурам народов мира, этнологии Китая, внесшего важный вклад в изучение некоторых областей антропологии.

До настоящего времени не утратили значения публикации С.А. Токарева по этнографии народов нашей страны, историографии этнографии и изучения религии.

И в позднейшее время, вплоть до наших дней, на кафедре поддерживаются плодотворные научно-исследовательские традиции, что позволяет вести педагогическую деятельность на современном уровне. Известны труды В.В. Пименова в области угрофинской этнологии и исследования по прикладной этнографии. Г.Е. Марковым была создана новая теория социального строя кочевничества и опубликованы труды по историографии немецкой этнологии и народоведению, этнологии и этнографии туркмен и народов Индонезии. Л.Б. Заседателява, исследователь казачества, опубликовала интереснейшие труды по их истории и этнографии. В.В. Карлов – крупный специалист по народам Сибири. А.А. Никишенков создал важный труд по историографии англоязычной этнологии. Т.Д. Соловей опубликовала серьезные работы по историографии советской этнографии и этнологии – проблеме, до настоящего времени почти не разрабатывавшейся. К.И. Козлова создала ряд исследований по истории и этнографии марийского народа. Публикации С.А. Полякова связаны с его исследованиями в области исторической этнографии Средней Азии.

В настоящее время часть сотрудников кафедры сосредоточила внимание на актуальных исследованиях в областях прикладной этнографии и межэтнических конфликтов.

Несмотря на то что вместо СССР возникли 15 новых независимых государств, кафедру этнологии по праву продолжают считать своей *alma mater* многочисленные выпускники, которых можно встретить повсюду: в академических институтах, университетах и других вузах, музеях и издательствах, государственных учреждениях и общественно-политических организациях многих стран ближнего и дальнего зарубежья.

Примечания

¹ Центральный муниципальный архив г. Москвы (далее – ЦМА г. Москвы). Ф. 1609. 1 МГУ. Оп. 1. Д. 220. Список лекционных курсов и семинарских занятий профессоров и преподавателей физико-математического факультета Московского университета в осеннем семестре 1919 г. Л. 2.

² Отчет 1 МГУ за 1925–1926 гг. М., 1927. С. 240–241.

³ ЦМА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 220.

⁴ Об этом см.: История Московского университета. Т. 2. М., 1955. С. 114.

⁵ *Золотарев А.М.* Этнография в Москве // Сов. этнография (далее СЭ). 9134. № 4. С. 118.

⁶ Там же.

⁷ *Струве В.В.* Советская этнография и ее перспективы // СЭ. 1939. № 2. С. 5.

⁸ *Заседателева Л.Б.* Терские казаки. М., 1974; *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *его же.* История хозяйства и материальной культуры. М., 1979; *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978; *Поляков С.П.* Историческая этнография народов Средней Азии и Казахстана. М., 1980; *Никишиенков А.А.* Из истории английской этнографии: критика функционализма. М., 1986 и др.

**G.E. Markov, V.V. Pimenov, T.D. Solovoi. 60th Anniversary
of the Chair of Ethnography (Ethnology) of the Historical Department
of Moscow State University**

The article narrates of the history of the Chair of Ethnography of the Historical Department of Moscow State University, of the experts who worked and continue their working there, and of their scholarly and pedagogical activities. The authors note that despite of the desintegration of the USSR the numerous graduated of the Chair of Ethnology now working in various academic institutions, universities, museums and publishing houses continue thinking of it as of their alma mater.